

**Д**  
РУССКИЙ  
ДЕТЕКТИВ

Д М И Т Р И Й  
З А Х А Р О В

**ИДУЩИЕ  
НА СМЕРТЬ**

Русский детектив

Дмитрий Захаров

**Идущие на смерть**

«Центрполиграф»

2020

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

**Захаров Д. А.**

Идущие на смерть / Д. А. Захаров — «Центрполиграф»,  
2020 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08823-9

Бывший капитан спецназа Сергей Авдеев никак не может найти себя в мирной жизни. Случайные заработки, алкоголь... После развода жизнь кажется совсем беспроектной. Поэтому на предложение своего бывшего начальника полковника Марченко принять участие в опасном задании, связанном с загадочной вакциной, превращающей людей в идеальное оружие убийства, Сергей откликается с радостью. Он уже имел опыт общения с «лешими», как их называли спецназовцы, и знает, что может натворить в мирном городе даже один такой «экземпляр». Задача Авдеева – найти и уничтожить, и его даже не слишком тревожит, что вокруг спецоперации идет какая-то мутная игра спецслужб, военных и политиков.

УДК 882  
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08823-9

© Захаров Д. А., 2020  
© Центрполиграф, 2020

# Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

# **Дмитрий Аркадьевич Захаров**

## **Идущие на смерть**

© Д.А. Захаров, 2020

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

## Часть первая

*Санкт-Петербург. Кронверкский проспект. 15 апреля. 11:45*

Нынешняя весна выдалась теплой. За пару дней солнечные лучи сожгли остатки талого снега, ноздреватые кусочки льдистого крошева робко жались в тени у стен домов. Вдоль парапета с веселым журчанием неслись потоки мутной воды, голуби раздували могучие сизые груди и томно урчали. Влажные пролежни стылой мороси быстро высохли, оставляя на асфальте серые пятна. Воздух пах стальной бесполой вязкостью и древесной корой. Неизвестно почему, но каждый год именно такие запахи накрывают северный город холодными стальными ладонями.

Две девушки, взявшись за руки, перебежали дорогу, возмущенно просигналил красный «ниссан-микро», тормоза издали протестующий визг. Одна рыжеволосая, с веснушчатым лицом, будто перецелованным солнечными лучами, другая смуглая, чернявая, похожая на цыганку. Звонкий смех рассыпался в воздухе, как небрежно раскиданные золотые монеты.

Сергей поднял лицо к небу, в носу противно зачесалось, он дважды чихнул.

– Будьте здоровы, ваше сиятельство! – ухмыльнулся Павел, извлек из пакета поллитровку и водрузил ее на ребристую скамью.

Громыхнула пушка на Петропавловской крепости, стая голубей сорвалась с места, подняв кучу пыли.

– Насыпай!

– Сию секунду! Снежинки не успеют коснуться ваших ресниц, сударь!

В прошлом Павел Горовиц был писателем, и речь его изобиловала необычными оборотами. От былого величия сохранились иссеченная седыми нитями шевелюра, вычурная речь и персональный стограммовый стаканчик, который он всегда носил с собой. Сергея раздражала манера собутыльника обращаться к окружающим на «вы», но Павел ему нравился. Разум он не пропил. Однако похмелье не располагало к светской беседе. Литератор проводил девушек задумчивым взглядом.

– Некоторые сцены из нашего быта напоминают фрагменты усеченной киноленты. Видите двери офиса, куда направили стопы эти юные девы? Нынче там находится помещение антикварного салона. Ума не приложу, что таким прелестницам делать в лавке старьевщика?!

– Спят с директором!

– Как это – спят?! – Опухшее лицо писателя негодуя скривилось. Будто лимон сжевал.

– Тебе рассказать, как именно они это делают? Я бы на его месте выбрал рыженькую...

– Стыдоба! Она годится вам в дочери! Но я не о том. Итак, в том самом здании раньше находилась чебуречная. Весьма демократичное место, ваш покорный слуга отведал там лучший чанах на всей Петроградской стороне! Это нынешние буржуи коверкают русский язык, называя чудесное кавказское блюдо во множественном числе – чанахи! Ни в коем случае! Только чанах! А какую там подавали водочку! – Он мечтательно пожевал тонкими винными губами.

– Если немедленно не нальешь, шею сверну! – Сергей одарил собутыльника широкой улыбкой.

– Грубо, но информативно. – Павел обезглавил бутылку и плеснул в стакан. – Дай бог! – Он смиренно опустил глаза и перекрестил содержимое.

– Поехали! – Авдеев поднес стаканчик к губам, в нос шибануло резким сивушным запахом, рот наполнился слюной. – Дешевая дрянь!

Он опрокинул в рот горчичную жидкость, закашлялся.

– Первый блинок комком, как говорят в народе... – Литератор услужливо пододвинул бутылку с минералкой. – Прошу вас, мсье коллонель!

- Это еще что за хрень?!
- Военское звание во французской армии. Вроде нашего полковника.
- Перегнул палку, классик! Я – бывший капитан...
- Говорят, бывших офицеров, алкоголиков и уголовников не бывает!
- Врут!

Сергей извлек из пачки сигарету, щелкнул колесиком зажигалки, с наслаждением выпустил изо рта колечки голубого дыма.

– Забавная вещичка... Много раз хотел спросить у вас, господин Авдеев. Что начертано на сей зажигалке?

– Фигня...

Авдеев стянул куртку и подставил лицо скупым лучам северного солнца. Кривой причудливый шрам на скуле, похожий на келоидный рубец, порозовел. Горовиц с уважением посмотрел на узловатые груды мускулов, вздувшиеся под тканью футболки.

– Вы не похожи на обычных россиян, Серж! И уж тем паче на нашего брата пропойцу. Я все-таки писатель. Вы не вписываетесь в привычный формат. Для военного чересчур умны, для интеллектуала недостаточно образованны, прошу извинить мою фамильярность. Я видел, как вы мастерски отключили трех brutальных кавказских джентльменов. Такими приемами не владеют боксеры или борцы. Вы больше похожи на персонаж американского комикса, нежели на стандартного homo sapiens.

Сергей улыбнулся. У него было жесткое, даже жестокое выражение лица. Свернутый набок нос – юношеская влюбленность в бокс, мускулистая шея и раскачанная трапеция вызвали невольные ассоциации с носорожьим загривом. Но улыбка производила обезоруживающее впечатление. Возле глаз собирались веселые морщинки, белые зубы сверкали так заразительно, что немедленно хотелось рассмеяться вместе с ним.

– Похмелье сегодня нешуточное, трясет с утра. На, погляди, если хочешь! – Он протянул зажигалку.

Павел поднес ее к глазам. Обычная выдавшая виды металлическая зажигалка, с затертыми краями и глубокой ямкой на боку. Калиграфически были выведены крохотные буквы. Писатель близоруко прищурился, но Сергей отобрал зажигалку.

– Побереги глаза для создания будущих шедевров, братишка!

– У меня нет будущего, герр капитан!

– Не зарекайся.

– Какой уж тут зарок?! Я весь в прошлом. Не человек, а тень. На меня даже бродячие псы не лают. А вот глядя на вас, я вижу большую, драматическую историю в недалеком будущем. Люди вашей породы способны изменить историю!

– Круто загнул!

– Дефект на зажигалке – след от пули? – Горовиц пытливо всматривался в лицо собеседника.

– Догадливый! – усмехнулся Авдеев. – Наливай, остывает...

– Вы не похожи на обычных людей, Серж! – убежденно повторил писатель. – Я хотел бы написать о вас книгу.

– Валяй!

Мужчина равнодушно пожал широкими плечами и выпил водку. Вторая доза прошла значительно легче предыдущей, в голове приятно зашумело. Сергей рассеянно посмотрел на голубей, гарцующих по черному газону. Птицы расхаживали промеж обломков ледяного крошева. Он закрыл глаза и погрузился в сладкую дрему.

Он вжался в землю, как заправский пластун, в сотне метров зияло черное жерло пещеры, с завидной методичностью стреляли из калашникова. Рядом лежал Володя Лоренц, бурая кровь смешалась с песком, окрасив почву ржавой окалиной. Пуля угодила в магистральную

артерию. Сергей перетянул бедро товарища своим ремнем. Если Лоренц потеряет сознание, до припаркованного на обочине джипа под градом пуль стокилограммовую тушу напарника ему не дотащить. Прикончат обоих. И тогда колбу заберут «лешие». Мосластые, черные. Они возникали словно джинны из песка и так же резво исчезали. Но стрельбу вели обычные наемники. Местный спецназ. Сели на хвост возле базы. Володька заодно с колбами прихватил из сейфа чипы, запечатанные в термостойкую упаковку. Зачем он это сделал, одному демону пустыни ведомо, но за ними немедленно увязалась погоня.

– До дороги пятьдесят метров... Семь секунд бега, за холмом они тебя не достанут. Пока я не отрубился, прикрою. Беги, иначе оба здесь пропадем! – Лоренц сморщился от боли.

– Толково придумано, – кивнул Сергей. – Но не пойдет!

Он взвалил Лоренца на плечо, выпустил очередь в сторону пещеры, пули взбили в песке барашки. На краткое мгновение калашников кашлянул и захлебнулся. Авдеев рванул в сторону черной полосы шоссе. В полусотне метров застыл старенький зеленый джип. Боковые колеса занесло песком, поржавевшие стойки тускло блестели на солнце. Он бежал так быстро, как никогда раньше. Еще два десятка метров, и они исчезнут из зоны обстрела – шоссе закрывал высокий бархан. И в то же мгновение автоматы преследователей зашлись яростным кашлем, будто стая взбесившихся собак атаковала жертву. Пуля ударила в твердый камень под ногами, осколок впился в икру. Спустя полдюжины горячих истекающих горьким потом и кровью секунд он швырнул тело товарища в кузов джипа и, прежде чем нырнул за руль, ощутил сухой, короткий толчок в бедро. Будто тупым концом копья ударили. Это уже было не важно. Взревел мотор, машина сорвалась с места. Пять минут он мчался на полной скорости, слушая завывание раскаленного ветра над головой и drobные удары собственного сердца.

Глаза Лоренца дерзко смотрели в голубое небо, на груди расплылись два крохотных багровых пятнышка. Чуда не бывает. Он хотел спасти товарища, а тот закрыл ему спину как живым щитом во время бега. Сергей сунул руку в карман, пальцы наткнулись на изувеченную зажигалку. Случайность – удел любимцев богов! Пуля калашникова пробивает стальной рельс, вероятно, кусок мягкого металла срикошетил, изменив ее направление, и сберег жизнь хозяина. Резкий сигнал рации заставил его вздрогнуть, во рту застыл привкус меди, словно он лизал пятак.

– На связи!

– Был шум?

– Нарвались на охрану, Лоренц мертв.

– Колба у вас?

– Так точно!

– Ты видел «леших»?

– Их пустили по нашему следу, когда обнаружили пропажу.

– Ясно... – Голос был пустым, безразличным, словно разговор шел о таких обыденных вещах, как планы на предстоящие выходные или грядущее повышение цен на бензин. – Вы оторвались от них?

– Иначе бы мы сейчас не разговаривали!

– Не горячись, капитан! Жду в условленном месте.

– Буду через двадцать минут.

– Конец связи.

Высоко в небе, как две смазанные точки объявились черные грифы, вдоль обочины простиралась вечная желтая пустыня, и, вздымая кучи седого песка, следом мчались неуловимые черные тени...

– Вас будет интересно описывать, дружище! – Бархатный голос литератора оторвал его от воспоминаний. – Сколько вам лет? Не больше сорока пяти, я полагаю?

– Угадал. Сорок четыре.



Мелодичный звонок смартфона вывел его из состояния хмельного оцепенения. Сергей кинул быстрый взгляд на дисплей, номер не определен. Последние месяцы ему звонили крайне редко. Судьба армейских товарищей была туманна. Володька Сухоруков женился и умотал за границу, Андрей Кузьмин спился, бичует где-то на Дальнем Востоке, если вообще еще жив. Костя Павловский живет на Валааме третий год послушником. Обычная судьба солдат на гражданке. А он женился на хорошенькой блондинке. Старая как мир история, чудесная блондинка оказалась стервой. Хорошее дело браком не назовут! Трехгодовалый союз закончился разделом его уютной квартиры и рождением очаровательной зеленоглазой Ангелины. На суде жена блажила как истеричка, хотя он ее ни разу даже пальцем не тронул. Ее ухажеру он сломал кисть в двух местах. Получилось автоматически, сработал условный рефлекс, когда напомаженный, будто гламурный индеец, культурист схватил его за плечо. Конечно, он был пьяным. А бывшая супруга не вышла из комнаты. Сидела там и дрожала. Женщина так и не могла простить ему неосознанного страха, что всякий раз испытывала перед собственным мужем.

– Прошу тебя, чаще улыбайся... – Она заискивающе посмотрела в медвежьи глаза. – Когда ты улыбаешься, мне не так страшно.

Сергей жестом остановил поток писательского красноречия.

– Говорите!

– Господин Авдеев?

– Нет! Это Эрнст Кальтенбруннер.

– Шутите...

– Что надо?!

– Не советую грубить. Мы хотим предложить неплохую работу.

– Мне не нужна работа. Весна, тепло, девушки гуляют...

– Вам нужна работа, – веско произнес незнакомец. – Хотя бы для того, чтобы оплатить алименты.

Сергей ударил сбитыми костяшками по скамье.

– Что дальше?

– Не хочется тратить время, излагая биографию бывшего опытного диверсанта, а ныне спивающегося бездельника.

– Будете меня жизни учить?

– Попросите об этом вашего друга, господин Авдеев, он в настоящий момент наливает водку в стакан... – Незнакомец засмеялся.

Сергей не двинулся с места. Со стороны можно было подумать, что человек вальяжно раскинулся на скамейке. Лицо безмятежно, мускулы расслаблены, трубка прислонена к уху, глаза полуприкрыты. Обычный городской лоботряс радуется теплоте деньку! Но то было обманчивое впечатление. Авдеев отмел женщин, гуляющих с детьми, двух старичков на скамеечке и пузатого господина, одетого в длинное бежевое пальто из верблюжьей шерсти. Дорогу пересекли парень с девушкой. Мальчишка держал в руке банку с энергетиком, девица была похожа на белочку. Влажные карие глаза, пушистый рыжий хвостик, желтая курточка. Они уселись на скамейку, парень достал сигарету, девчонка хлопнула спутника по руке, окурочек выпал на землю, оба рассмеялись. Горовиц сидел спиной к воротам, следовательно, увидеть то, как он наливает водку в стаканчик, можно было только со стороны сквера и парковочной площадки. Наблюдатель находился в автомобиле. В зоне парковки было пять машин. С тонированными стеклами три. «Фольксваген» плотно прижался передним бампером к решетчатой чугунной ограде. Чтобы быстро покинуть пост наблюдения, придется совершить разворот в два приема. Оставалось два автомобиля. Черный «шевроле» с заляпанными синей глиной порогами и голубой «ниссан-кашкой». «Шевроле». До него метров восемьдесят. Вероятно, приехал из области, хотя нельзя исключать, что глина – ловкий трюк. Заметные детали отвлекают вни-

мание. Опытные диверсанты часто использовали для работы красивых девушек или, напротив, ярких, приметных людей. Рыжих, толстых, с дефектом на лице и тому подобное.

Авдеев усмехнулся.

– Черный «шевроле-тахо». Назвать номера?

– Бинго! – воскликнул незнакомец. – Талант не пропьешь!

Сергей поднял стаканчик на уровень глаз, как бы приветствуя невидимого собеседника, и неторопливо осушил содержимое.

– Говорите, что вам надо!

– Записывайте адрес...

Незнакомец быстро продиктовал адрес, назначил время – одиннадцать утра завтра – и, прежде чем отключится, внушительно добавил:

– В ваших интересах, Сергей Матвеевич, явиться трезвым...

Сергей нажал отбой и протянул стакан растерянному литератору:

– Налей еще сто граммов, Паша, и на сегодня хватит!

Он пару минут размышлял, глядя на зреющую в стаканчике водку. Солнечные крупички полоскались в прозрачной жидкости как беззаботные рыжие львята. Затем достал из кармана монетку.

– Орел или решка?

– Нелепый розыгрыш, господин Копперфилд! – сказал Горовиц. – Я видел шоу с вашим участием неоднократно и не помню случая, чтобы монета выпала не так, как вы задумали!

– Усложним задачу, – кивнул Сергей. – Пусть будет гурт!

Он щелкнул ногтем по аверсу, денежка звякнула, перекувырнулась в воздухе, стукнулась об асфальт, завертелась юлой. Металлический кругляшок несколько раз обернулся вокруг собственной оси и застыл, балансируя на узком гурте.

– Судьба... – прошептал Сергей. Пить ему больше не хотелось.

Черный «шевроле» неторопливо выкатил с парковочной площадки и скрылся за ближайшим поворотом. Аккурат возле того самого антикварного салона, где раньше подавали легендарный чанак. Скорее повинувшись выработанному годами автоматизму, Авдеев зафиксировал в памяти номер машины. Из салона выскочили девушки и зашагали по проспекту.

– Наши умозаключения оказались ошибочны, дорогой классик! – сказал Сергей. – Девушки не спят с директором этого магазина.

Он потянулся всем телом, хрустнули позвонки, затекшие мышцы налились силой. Впервые за последнее время у него было хорошее настроение...

*Ставрополь. Институт молекулярной биологии*

– Сколько единиц препарата содержит последний образец сыворотки?

– Десять – двенадцать миллионов...

– Почему неточные данные?

– Вещество нестабильно. Мы не уверены, можно ли применять к препарату PL-14 привычную схему расчетов. Не пенициллин все-таки...

– Не дерзите, господин Травкин! Знаете такую пословицу: «Свято место пусто не бывает»?

Высокий мужчина покраснел, как девушка, снял очки и принялся протирать стекла подолом своего безукоризненно чистого халата. Он всякий раз тушевался, общаясь с этим чиновником. В противовес атлетически сложенному ученому тот был маленький, щуплый, с бледным, изъеденным оспинами, плоским лицом. И фамилия у него была созвучна с внешностью – Хорьков, и в профиль гражданин Хорьков напоминал сушеную воблу. И тесный костюм, сшитый по моде XIX века, делал его фигуру похожей на Чичикова. Острый круглый живот выпирал из-под застегнутой на все пуговицы жилетки. Но была в нем сокрыта внутренняя сила, при-

вычка повелевать, отчего сухие фразы превращались в догматические изречения. Вероятно, такие люди и становятся диктаторами, а спустя десятилетия благодарные потомки облачают их в образы романтических героев. Недаром Иван Грозный был хромым, Распутин – плюгавым мужичком, и Петр Алексеевич Романов при росте два с лишком метра носил обувь тридцать седьмого нынешнего размера. Магия властителей преображает невзрачных приматов в величественных мужей.

– Прошу прощения, Роман Аркадьевич! Я и не думал вам грубить. Но проект трудоемкий, мои люди работают без выходных... – сказал Травкин.

– Похвально! – смягчился чиновник. Он потрогал пальцами узел галстука, повязанный так крепко, что при случае его хозяин мог без хлопот удавиться. – Мы тоже не казенные чинуши. В случае положительного результата испытаний все сотрудники лаборатории будут премированы, а вы лично, Алексей Семенович, можете рассчитывать на высокую должность. Не говоря уже о квартире в столице и прочих привилегиях.

– Спасибо, господин Хорьков! Большое спасибо... – Травкин поклонился, словно вернулись времена рабовладельческого строя.

Чиновник высокомерно наклонил плешистую голову.

– Благодарить потом будете. А пока необходимо первые образцы сыворотки отправить в Москву.

– Это непросто сделать...

– В чем дело?! – Хорьков уже намеревался покинуть лабораторию, но последние слова ученого заставили его остановиться.

– В воздухе PL-14 окисляется, в герметичной среде споры быстро погибнут, потому что им требуется кислород. Замкнутый круг!

– Чушь какая! – воскликнул Хорьков. – Как же вы его фиксируете?

– Мы подобрали физиологический раствор наподобие плаценты. Искусственно насыщаем его макрофагами, кислородом и питательными веществами. Эндометрии, столь богатые гликогеном, требуют поддержания стабильного атмосферного давления и температуры...

– Советую перейти на родной язык! – перебил ученого Хорьков.

– Проще говоря, транспортировка препарата на данном этапе нежелательна. Самолет исключен – в салоне пониженное давление. В поезде или на автомобиле не избежать вибрации, мы не можем знать наверняка, как это скажется на сыворотке.

Чиновник подозрительно покосился на Травкина:

– И что вы предлагаете?

– Я проведу еще серию тестов, возможно, следующий образец PL-14 окажется стабильнее предшественника.

Хорьков скользнул бесцветными рыбьими глазами по сверкающим стерильной чистотой никелированным шкафам. Ученый старался не дышать, благоговейно взирая на высокого гостя. Травкин был скорее похож на киноактера в малобюджетном американском фильме, чем на гения! Широкие плечи, густые черные волосы без намека на седину. Такому место на пляже, а не в скучной лаборатории! В классическом понимании московского чиновника настоящий ученый должен был выглядеть как замызганный сварливый старикашка с дрожащими пальцами и засаленными лацканами пиджака. Травкину было от силы сорок лет, а он уже являлся автором сенсационного препарата! Причем найденного дедовским методом в провинциальном институте города Ставрополя. Изыскание запросто тянет на Нобелевскую премию, но едва ли оно станет достоянием общественности. Нечто подобное уже пробовали совершить американцы. Истинно говорят, земля русская богата талантами! Москва с нетерпением ожидала первых образцов сыворотки.

– Ладно, – прервал паузу чиновник. – Что-нибудь придумаем.

Он протянул ладонь, Алексей Травкин пожал ее с великой осторожностью, рука Хорькова на ощупь напоминала остывшую сардельку и утонула в огромной лапе ученого.

Из окон вливался безудержно яркий солнечный свет. Травкин достал сигарету, щелкнул колесиком зажигалки. Выдохнул колечко дыма, внимательно проследил за растекающимся в пыльном воздухе голубым облачком. Неприятно зудела губа, он тронул пальцем подсыхающую «простуду» и громко выругался. Идея возникла неожиданно. Как озарение. Из соседней двери выскочила аспирантка Люда, недавняя выпускница университета. Она ворковала над толстой крольчихой. Молодые ученые окрестили животное Самантой. Жирная, неуклюжая крольчиха выжила в результате действия сыворотки и приобрела нетипичную для миролюбивых зверьков злобу. В настоящий момент Люда пыталась накормить непокорную крольчиху.

– Алексей Семенович! Что случилось?!

– Как чувствует себя Саманта?

– Очень агрессивная. Едва не откусила мне палец! – На щеках милой девушки заиграли чудесные ямочки.

– Может быть, уколоть ее транквилизатором?

– Еще не хватало! Предложите ей водки налить в мисочку. Вы хотели что-то спросить, шеф? – Девушка кокетливо поправила русский локон.

Как ему это сразу в голову не пришло?! Колечко дыма медленно растаяло, оставляя рваные клочья тумана.

– Немедленно возьмите пять миллиграммов опытного вещества и смешайте с образцами плазмы крови.

– Мы прививали вещество крысам, кроликам, почти все сдохли, только Саманта живет и еще две крысы. И где мне взять образцы крови?

– Черт побери! У меня возьмите!

Он быстро закатал рукав халата, обнажил мускулистое загорелое предплечье. Заразившись энтузиазмом шефа, Люда сорвала упаковку с одноразового шприца, выхватила из шкафчика пузатую склянку, в ноздри ударил ядреный запах спирта.

– Будет немного больно! – улыбнулась девушка.

– Колите! – прорычал ученый.

Тонкая игла впиалась в вену, прозрачная колба наполнилась алой жидкостью. Крупицы сигаретного дыма рассеялись, не оставив следа, и только опальная взвесь кружилась в солнечных лучах.

Уборщица вынесла мусор через черный ход института. Это являлось нарушением мер секретности, все отработанное сырье надлежало запечатать в специальные емкости и сжигать. Но инструкции создаются для того, чтобы их нарушали. Женщина выбросила два черных полиэтиленовых мешка и, равнодушно оглядев залитый солнцем пустырь, захлопнула дверь. К отбросам тотчас устремился бродячий рыжий пес. Собака осторожно протянула к пакетам черный нос, едко запахло формалином, известью и еще чем-то гадким, несъедобным. Пес рванул зубами пакет, сквозь прореху высыпались одноразовые стаканчики, остатки еды, битое стекло и пластиковые шприцы со следами мутных пузырьков на колбах. Неприязненно косясь на шприцы, собака жадно лизнула засохшую мясную подливку. Громкие шаги заставили бродяжку зарычать, черная губа обнажила желтые клыки.

Двое молодых парней подошли к свалке.

– Глянь, Артур, сколько баянов! Расточительная халатность, как базарят в новостях!

– Отбросы из института, дерьмо всякое! – выругался худощавый черноволосый парень, по виду кавказец.

– Зараза к заразе не пристаёт! – хмыкнул белобрысый мужчина. У него на лбу зрело багровое родимое пятно. – Готовь централ! – Человек подобрал шприц, сдул с иглы невидимые крошки пыли, уверенно закатал рукав свитера.

– Я – пас! – Артур брезгливо покосился на мутные пузырьки в колбе.

– Если хочешь, топай в аптеку! Мне не резон в центр города на ломах тащиться!

Белобрысый присел на корточки, достал столовую ложку, в руках запыхал синий огонек зажигалки.

– Сейчас, сейчас...

В ложке закипела бурая смесь.

– Ты еще грустишь, мой сладкий беби... – прогнусавил он строчку из песни.

– Ну тебя на фиг, помоечник!

Артур зашагал по направлению к автобусной остановке.

Солнце стояло почти в зените. Пес увидел, как человек вонзил острие себе в вену, губы исказила счастливая ухмылка. Казалось, рассмеялся клоун, только родимое пятно на бледном лбу выглядело как чернильная клякса на листе бумаги. Собака зарычала, потрусила прочь. Через пять минут пес позабыл и про свалку, и про бледного человека. Говорят, собаки не могут помнить отдельные события больше пяти минут. В памяти животного сохранился лишь жутковатый запах, который исходил от незнакомца. Запах смерти...

*Москва. 8-е управление Генерального штаба Российской Федерации. Двенадцать часов до начала операции «Красный жук». 10:35.*

Кондиционеры работали на полную мощность. Пятеро мужчин не отрывали глаз от большой плазменной панели, висящей на стене. Съемки отличались скверным качеством. Заурядного вида лысеющий мужичок подтягивался на перекладине. Люди смотрели видео уже полчаса, и до сих пор никто не проронил ни слова. Человек на экране продолжил физические упражнения, губы собравшихся возле экрана людей шевелились, считая движения.

– Фу, дьявол! – первым нарушил молчание приземистый коротышка с генеральскими погонами. – Я сбился со счета!

Он сидел во главе длинного стола. Перед ним красовался массивный серебряный подстаканник, чай давно остыл, но он продолжал помешивать ложечкой в стакане. Рядом стояла небольшая табличка, из которой следовало, что обладатель подстаканника – генерал-майор Павлов Андрей Петрович.

– Сто двадцать пять раз, – бесстрастно сообщил высокий мужчина. Его продолговатое лицо украшали седые полубаки.

– Неплохо, – сдержанно ответил генерал. – И что дальше?

– Потом он начнет отжиматься, приседать...

– Что помимо физических упражнений?

– Сексуальные контакты. Двенадцать актов за шесть с половиной часов.

– Подвиги Геракла! – усмехнулся генерал. – А как насчет интеллекта?

– Быстрота реакции, скорость принятия решения невероятно высоки. Содержание стволовых клеток на уровне эмбриона. На момент эксперимента испытуемому пятьдесят один год. – Седой мужчина притянул к себе чашечку с кофе. – Данную запись делали американцы, у нас видео оказалось случайно.

– Неплохая случайность! – сдержанно улыбнулся грузный мужчина.

– Деньги налогоплательщиков не расходуются впустую, Борис Наумович!

Толстяк неопределенно пожал плечами:

– Продолжайте, господин Марков!

– Американцы тестировали препарат. Преимущественно старшей возрастной группы. Самому младшему участнику группы было сорок семь, старейшему – шестьдесят три года.

– Индекс смертности? – спросил крепкий мужчина с бритой наголо головой.

– Вас интересует медицинский аспект, господин Еременко, – кивнул Марков, – индекс абсолютный. Дольше всех прожил чернокожий парень. Его показатели до использования препарата были лучше, чем у остальных. Давление, кардиограмма, уровень холестерина и сахара крови – все безукоризненно. Бывший спортсмен. Он прожил семьдесят шесть часов.

– Причина смерти?

– У всех без исключения сердечная недостаточность. После вскрытия сосуды сердца оказались изношены, как у столетних старцев.

– Вот тебе и ответ! – Генерал хлопнул ладонью по столу. – Не могу понять, на что вы рассчитываете, Иван Сергеевич? Американцы – парни дотошные, вряд ли бы они свернули эксперимент, кабы имели шансы на успех! Насколько я понимаю, этому видео лет десять?

– Одиннадцать! – наклонил седую голову Марков. – Вы правы, Андрей Петрович. Но фармакология развивается стремительно. Только безумцы могут делать ставки на ядерное оружие, кому охота заражать радиацией собственную планету?

– Избавьте нас от лекции по социологии! – поморщился Борис Наумович. На квадратном бейдже было написано «Мендель. Б.Н.». Он скосил глаза на экран. Мужичок сидел в пустынной комнате, дверь распахнулась, на пороге объявилась грудастая черноволосая женщина в прозрачных трусиках. – Надеюсь, мы не станем смотреть порно?!

Иван Сергеевич нажал кнопку пульта, видео погасло. Мендель поднес к губам сигарету.

– Прямо универсальный солдат! – Он усмехнулся.

– Не совсем так... – возразил Марков. – Мы продолжали разработки препарата PL-14 без надежды на успех. Важно было исключить ту составляющую, что поражала сосуды испытуемых людей.

– Под воздействием препарата эндотелий становится хрупким, как папиросная бумага, вот бедолаги и умирают от инфаркта! – кивнул лысый.

– Среди нас нет медиков, господин Еременко! – резко сказал генерал. – Это ваша работа – суставы ремонтировать.

– Прошу прощения, Андрей Петрович! Эндотелий – это своего рода слой клеток, выстилающих стенки сосудов. Его упругая эластичность изнашивается с возрастом. Неизбежный процесс старения организма. PL-14 вырабатывает ресурс клеток в считанные часы.

– Именно так! – кивнул Марков. – Побочные эффекты препарата перекрывают пользу. Думаю, наши заокеанские товарищи забросили проект по этим причинам.

– Забавно... – Еременко провел ладонью по гладкой лысине. – Идея создания препарата была опубликована в научном журнале. Статью мог прочесть любой желающий. Потом быстро спохватились, материал из печати изъяли.

– Похоже на историю с ядерной реакцией! – тихо проговорил высокий мужчина в очках. До сего момента он молчал, с непроницаемым лицом сидел в углу. – Кто автор?

– Наш соотечественник. Некто Райхель. Если я не ошибаюсь, сейчас он проживает в Израиле, – ответил Марков.

– Почему наши спецслужбы не взялись за разработки прежде американцев?

– Статья вышла в девяносто восьмом году, – сказал Марков. – Вы помните, какое было тогда время?

– Ближе к делу! – Тучный Мендель с видимым безразличием посмотрел в окно. – Думаю, мы собрали нас не ради того, чтобы показать это увлекательное кино?

– Никак нет. Вы правы, Борис Наумович!

Марков выложил на стол кожаную папку. Он неторопливо расстегнул золоченые замки, достал листы бумаги, аккуратно спрессованные в пластиковую обложку. Доктор Еременко следил за манипуляциями человека с таким выражением лица, словно тот извлекал живую гадюку. Мужчина в очках равнодушно чиркнул золотой зажигалкой. Однако ничего страшного в папке не оказалось. Обычная стопка диаграмм, документов, ксероксов фотографий.

– Ну и что это такое? – спросил генерал.

– Разработки наших региональных ученых. Новая модификация PL-14. Кодовое название – «Красный жук».

– Почему «жук»? – спросил человек в очках.

Вместо ответа Марков выложил на стол линованный лист. На нем была схематично изображена кривая загогулина, отдаленно напоминающая большого майского жука.

– Так окрестили вакцину местные ученые. Под микроскопом молекула действующего вещества отдаленно напоминает насекомое.

– Вы хотите сказать, что вашим доморощенным спецам удалось то, что не сумели сделать американцы? – Борис Наумович с подозрением посмотрел на кривую кляксу.

– Я отдал результаты исследования экспертам. Они утверждают, что модифицированная формула устойчивее классического PL-14 в десятки раз. В результате испытаний девяносто процентов мышей и свинок умирали в течение пяти-шести суток. Американские животные погибали на исходе третьего часа...

– Другими словами, кабы здоровяка негра укололи нашим «жуком», то он прожил бы не трое суток, а три недели? – спросил генерал.

– Не только это! – Марков машинально провел пальцами по остриженным бачкам. – По мере усовершенствования сыворотки продолжительность жизни животных удлинялась, а клинические симптомы угасания оказывались менее выраженными.

Еременко жадно впился глазами в документ.

– Поразительно! – воскликнул он. – Ученые восстанавливали эндотелий при помощи тривиального соматотропного гормона! Гениально и просто!

– Что это такое? – Генерал недовольно нахмурился.

– Гормон роста. Продается в любом магазине спортивного питания.

– Вы говорили девяносто процентов... – вкрадчиво сказал Мендель. – А что оставшиеся десять?

– Несколько животных еще живы, – ответил Марков.

– Насколько долго?

– Более месяца.

– Вот тебе, бабушка, и фунт изюма! – выдохнул генерал.

Он грузно поднялся с места, с шумом отодвинул стул, подошел к окну. Солнце скрылось за кучевым облаком, густая серая дымка обволокла крыши домов. Капли дождя оросили асфальт, порыв ветра выюжил ледяную крошку.

– Я должен немедленно сообщить об открытии президенту, – прервал паузу генерал. Он обвел взглядом всех собравшихся. – Я полагаю, нет надобности предупреждать вас о соблюдении тайны? Иван Сергеевич! Все образцы препарата, документы по этому делу и автор проекта лично должны быть немедленно доставлены в Москву!

– Это непросто сделать... – тихо проговорил Марков.

– Что значит – непросто?! – возмущенно закричал Еременко. – Да у нас здесь эликсир бессмертия!

Люди зашумели, очкарик пытался о чем-то спросить генерала, но его немедленно оттеснил Мендель.

– Объясните, в конце концов!

Марков спокойно поднял ладонь:

– Господа! Я хотел бы побеседовать наедине с Андреем Петровичем! Вы не возражаете?!

Он многозначительно посмотрел на генерала. Тот коротко кивнул, распахнул дверь в смежный кабинет, пропустил вперед Маркова. В отличие от официальной приемной, здесь было по-домашнему уютно. Генерал достал из бара бутылку коньяка, блюдечко с нарезанным

лимоном. Марков расслабил тугой узел галстука, сел в удобное кресло, пригубил из рюмки, отер тыльной стороной ладони лоб, словно прогоняя накопившуюся усталость.

Генерал залпом выпил коньяк, немедленно налил еще порцию, сжевал дольку лимона, тихо сказал:

– Рассказывай, Ваня, что задумал!

– Какие тут могут быть задумки, Петрович? – улыбнулся Марков.

– Не тяни жилы из старого товарища! Говори все, о чем ты при этих клоунах умолчал.

Иван Сергеевич допил коньяк, глубоко вздохнул и начал говорить...

*Ставрополь. Улица Ольховая. 21:45*

Дверцы автобуса с шумом распахнулись. Седой мужчина в летнем костюме воинственно замахнулся пузатым портфелем.

– Куда только милиция смотрит! Житья не стало от этих наркоманов!

– Теперь они называются «полицейскими»! – нервно рассмеялась миловидная женщина. – Товарищ водитель! У вас в салоне необычный пассажир отдыхает!

– Кольцо! – глядя в темное стекло, объявил шофер. – Машина дальше не пойдет!

Со стороны можно было подумать, что разговаривает загривок человека, а не он сам. Загривок впечатлял. Маленькая голова, вросшая в могучую шею, мясистые покатые плечи борца.

– За что только им зарплату платят! – сварливо заметила худая старушка, стукнула палкой по каменному бордюру и зашагала к деревенскому домику, почти вплотную прижимающемуся к стальному массиву каменных строений.

Рыжие пятна фонарей освещали дорогу. В Ставропольском крае темнеет рано, желтые окна высотных домов горели в темноте как светлячки. До спального района города от остановки было чуть менее километра. Шофер собрался выйти наружу, за спиной раздался скрип. Он обернулся, нахмурил сросшиеся черные брови. Первое, что он отметил, был едкий мускусный запах. Словно в салоне притаилось хищное животное. Водитель сжал в кулаке тяжелую фомку. На заднем ряду виднелся темный силуэт.

– Эй, приятель! Пора на выход!

Пассажир не двинулся с места. С грязной кроссовки упал шмат сухой глины.

– Ты что, бухой?!

Мужчина вспомнил недовольный гомон пассажиров. Вероятно, наркоман отключился! Он тихо матюгнулся. Не дай бог помер! Пиши потом уйму объяснительных! От наркотов сплошные неприятности!

– Раньше их хоть в тюрьму сажали... – пробурчал он себе под нос. – А теперь накось выкуси! Дескать, больные люди, спасайте нас, граждане сердобольные!

Он подошел вплотную к спящему человеку. От того разило потом, грязью немытого тела и ацетоном. Парень был жив. Дышал громко, с присвистом, словно больной.

– «Подъем!» была команда!

Шофер ударил носком башмака по бедру человека. То, что произошло в дальнейшем, он впоследствии описывал и местному следователю, и районным оперативникам, и даже большой полицейской шишке из Москвы. Серьезный господин приехал из Белокаменной и принес в больницу пакет с фруктами, чем завоевал сердце простого работяги. Но это случится позже, а пока он нетерпеливо ткнул наркомана ногой и ждал, покуда тот очухается.

Парень открыл глаза, налитые кровью. Белков было почти не разглядеть, не глаза, а кровавое месиво! Шофер озадаченно покачал головой. Похоже, придется вызывать скорую помощь! Он достал смартфон из кармана, но тут пассажир легко поднялся на ноги и уставился на него окровавленными глазами. В уголках губ скопилась розовая пена, вены на шее надулись, как синие жилы.



– Ты, дохляк, сейчас очоуришься! – пробормотал водитель. Он слышал про такие вещи. Они часто умирают от передозировки своего поганого зелья.

Наркоман толкнул его в грудь, от удара шофер отлетел в угол салона.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий беби... – прогнусавил парень дребезжащим голосом и оскалил желтые зубы. Будто рассерженная крыса решила закусить свежей человечинкой.

– Вот чума! – выдохнул шофер, замахнулся увесистой фомкой. Веса в нем было за центнер, а в армии он мог пятнадцать раз сделать выход силой. Его побаивались товарищи, зная тяжелую руку и вспыльчивый характер.

Худой, как скелет, парнишка выглядел тощим недомерком. И иначе как действием наркотического дурмана нельзя было объяснить то, что произошло в следующий миг. С отвратительной ухмылкой на красных губах, обнесенных герпесом, пассажир играючи перехватил кусок железа и коротко ударил богатыря кулаком в грудь. Водитель осел на четвереньки. Парень бил без размаха, а в грудную клетку словно лошадь лягнула. Затем он вышвырнул фомку в окно. Кусок металла просвистел в воздухе, стекло разбилось на сотни мелких осколков, усыпав дно салона искрящимся хрусталем.

– Хороший кайф! Верно, корешок?! – сказал наркоман.

И все-таки водитель оказался мужчиной не робкого десятка! Он нанес сокрушительный удар в скулу противника. Просто, сильно, размашисто, как в старину дрались на свадьбах. От такого удара на задние ноги оседают годовалые телята, но у парня лишь пошатнулась голова, как на шарнирах, и кровавистая жижa забрызгала сиденья.

– Ништяк! – прошипел человек, вмазал ребром ладони по шее шофера, а затем дважды коротко по голове и в завершение – ногой в живот. После равнодушно перешагнул через бездыханное тело и, насвистывая мотивчик, вышел на улицу.

Звезды украсили черный небосклон, на западе объявилась рыжая луна, обрамленная пурпурным кантом. Призрачный багряный свет залил землю, отчего пейзаж напомнил марсианские хроники, какими их изображают фантасты на красочных постерах. Человек втянул запах, прикрыл глаза. Перед мысленным взором объявилась молодая женщина с голубой сумкой. Каблуки цокали по асфальту, ее сопровождал попутчик, седой дядька с толстым портфелем.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий беби... – ухмыльнулся человек и рысцой побегал по пустынной дороге.

Водитель очнулся ночью. Сквозь разбитое стекло в салон автобуса втекал холодный воздух. Голова раскалывалась, словно ее ломали железными пальцами. Он встал на ноги, огненная боль пронзила живот, по лбу покатались горошины ледяного пота. Возле его ног лежал смартфон. Он набрал номер, женский голос отчеканил:

– Скорая помощь, говорите!

– Автобусное кольцо, улица Ольховая, северо-запад...

Смартфон выпал из слабеющих пальцев, он потерял сознание.

Мужчина оказался веселым и безобидным попутчиком. Он без умолку рассказывал анекдоты, причем новые, да такие смешные, что не хохотать было просто невозможно. Четверть часа вечерней прогулки пролетели незаметно, и она уже с сожалением поглядывала на очертания домов, серым массивом громоздящиеся за тополиной рощей. Дома ее ожидал угрюмый муж, который и в женихах был мрачен, а уж трезвая семейная жизнь превратила доброго парня в истого человеконенавистника. Говорят, с «подшитыми» алкоголиками такое случается.

Молодая женщина бросила короткий взгляд на собеседника. Веселый дядька. В отцы ей годится. Она громко вздохнула:

– Ну вот, я пришла! Спасибо за компанию.

– Позвольте ручку поцеловать! – Он галантно приложился к девичьей кисти.

Женщина смутилась.

– Вы неподалеку живете? – спросила безо всякой цели, желая развеять неловкую ситуацию с поцелуем.

– Ольховая, двенадцать. Вон та высотка за сквером.

– Вот тебе раз! А я живу в десятом. Соседи...

– Может быть, это не просто случайность! – томно проговорил мужчина.

Седой ухажер, держащий в руке старомодный потрепанный портфель, выглядел нелепо. Сколько ему? Сорок пять? Пятьдесят? Между футболкой и поясом ремня вылезла полоска розового брюшка. Кавалер улыбнулся и стал похож на сытого енота. Она осознала, что дает мужчине надежду, стоя с ним на пустынной вечерней улице под тусклым фонарем. Вот он и сопит, как тюлень перед случкой!

– Извините! – Женщине стало стыдно. – Мне пора!

Она решительно повернулась и зашагала вдоль тенистой дорожки парка. Надо же! Сучка похотливая... Завелась на старика, как кошка! Ей стыдно было сознаться, что мысли о супружеской измене с приходом весны стали все навязчивее. Женщина почти бежала, пытаясь изгнать сладкий ноющий ком из груди. Решение пришло неожиданно. Если Толя еще не спит, сегодня будет интим! С тех пор как супруг бросил пить, сексуальные отношения случались крайне редко.

Она пересекла дорогу. Здесь еще не был проложен асфальт, дорога размокла после мартовских дождей, женщина медленно ступала по широкому настилу из досок, как кукла, на высоченных каблучках. Вероятно, в свете багровой луны она выглядела весьма эротично. За спиной послышалось громкое сопение, в нос ударил резкий запах. А провожатый оказался настойчивым! Девушка, не оборачиваясь, ускорила шаг, рискуя угодить в лужу. Сопение превратилось в сдержанное рычание, и сильный толчок в спину опрокинул ее на землю. Женщина инстинктивно выставила ладони, шею обожгло горячее дыхание. Это не случайный знакомый из автобуса! А кто же тогда?!

Она громко закричала. Закрывая бешеную алую луну, над лицом зависла отвратительная рожа то ли человека, то ли зверя. Ужасные глаза в темноте были как бездонные впадины, губы изогнулись в дьявольской усмешке.

– Сейчас начнется незабываемый секс, сучка!

Ее едва не вытошнило.

– Толя!!! – закричала она, дернулась что было сил, но руки незнакомца были крепче стали.

– Зачем Толя? – криво усмехнулся он и закашлялся хрипло, страшно, как больной пес.

Он легко разорвал тонкое платье, сжал обнаженную грудь. С невыразимым ужасом женщина ощутила биение горячей твердой плоти на своем животе. До освещенных окон домов было не более сотни метров. Но жестокая мысль охледила разгоряченный мозг. Не стоит на это рассчитывать! Пустынный район, половина домов еще не заселена, до ближайшего отделения полиции три квартала.

– От тебя хорошо пахнет... – Монстр прижался носом к ее груди. – Запах страха...

Он играючи сорвал с нее остатки одежды. Почему-то женщина отметила, что сырая земля холодит обнаженную спину. Она изо всех сил сражалась с насильником, но мысль работала вяло, буднично, словно все происходящее ее не касалось. Интересно, а как она будет объяснять все случившееся мужу? И, несмотря на липкий страх, сковавший все члены, где-то глубоко внутри возникла гаденькая подлая мысль: «Надо было почаще трахать свою молодую женушку, Толик!»

Неподалеку раздался громкий крик, монстр ослабил хватку. Пользуясь передышкой, женщина изо всех сил ударила его кулачком в лицо, костяшки пальцев коснулись сухой твердой

холодной плоти. Словно дотронулась до огромной ящерицы. Насильник не обратил внимания на удар. Он внимательно наблюдал за приближающимся героем.

Не выбирая дороги, разбрызгивая грязную воду в стоялых лужах, бежал седой дядечка. Он угрожающе размахивал своим верным портфелем.

– Класс! – прошептал насильник. – Этот гусь – твой любовник, дорогая?

Он отпустил жертву, поднялся навстречу мужчине.

– Скотина! Подонки! – задыхался от негодования человек.

Он неловко размахнулся и тотчас рухнул на доски, оглушенный. В голову ему пришелся удар такой силы, что защитник упал на спину. Монстр вцепился пальцами в кадык несчастного, резко дернул. Густая черная кровь хлынула на землю, смешавшись с талой водой, мужчина завалился на бок, брюки задрались, обнажив полоску темных носков и сеточку голубых узловатых вен. Пальцы в предсмертной корче впились в ручку верного портфеля. В гортани раздался звук, словно закипел чайник. Кровь брызнула в лужицу, бурые разводы походили на пятна растекшейся нефти.

– На чем мы остановились? – Насильник повернулся к женщине.

Дальше пришла мгла. Долгая, мучительная, беспощадная. Сначала она кричала, звала на помощь мужа, проклинала его, просила прощения, потом охрипла. Зрение и слух будто выключила невидимая рука. Осталось только тупое безразличие ко всему происходящему. Прошло время. Порыв ветра принес крики, звук выстрелов, черная тень промелькнула на фоне высоких стволов деревьев. Над ней склонилось круглое как блин лицо, оно напомнило сумасшедшую красавицу луну, ясные голубые глаза сверкнули, как лучи прожекторов.

– Жива, но без сознания! – пробасил голос.

– А мужчина? – спросил другой, сиплый, будто простуженный.

– Мертв. По ходу, горло перерезали...

– Это не порез. Петренко! Быстро вызывай скорую!

– Слушаюсь!

– И объяви всем постам розыск по микрорайону. Он не мог далеко уйти.

– Бегают как спринтер, товарищ капитан!

– Делай, что приказано!

– Слушаюсь!

Женщина увидела неподвижное тело седого дядечки, лежащее в луже. Он выглядел жутко и смешно, раскинув в стороны длинные руки, как бы желая в последнее мгновение жизни обнять земной шар. Скрюченные пальцы сжимали ручку верного портфеля, будто там, внутри, хранились бесценные документы. И это тоже было смешно. Жуткой была черная дыра на месте адамова яблока. Чувствуя накатывающую дурноту, она улыбнулась и провалилась в черное ничто, а луна неторопливо скрылась за рваными облаками, как взыскательный зритель на премьер, который просмотрел все самое интересное и покинул зал.

*Санкт-Петербург. 15 апреля. 7:00 утра*

Володька Лоренц продолжал улыбаться после того, как две пули из калашникова разорвали его грудную клетку. Он и при жизни всегда улыбался, знал уйму анекдотов и побасенок и мог на ходу придумать смешную историю. Стреляли с расстояния двести метров, пули должны были прошить их обоих, Сергея спас патронташ, висящий на груди товарища. «Чересчур много случайностей, господин Авдеев, не так ли?! Вы, верно, в рубашке родились? Везение – тот же талант!»

Старенький движок внедорожника издал надсадное рычание. Авдеев ощупал зажигалку. Скользя по металлу, пуля ударила в бедренную кость, оставив безвредный синяк. Про такие вещи обычно пишут рассказы, сочиняют военные легенды.

Он выжал педаль газа до упора, не глядя в обзорное зеркало. Спустя десять минут бешеной гонки «лешие» отстали. Пустыня закончилась внезапно. Джип миновал нагромождение красных скал, разбросанных по земле небрежно, будто великан наигрался с кубиками и оставил их валяться как попало. Высокие пальмы жались друг к дружке, как сельские девчата на танцах. Воздух здесь был свежее, в нескольких километрах к востоку рычащие волны накатывали на берег. Находясь в пустыне, в такое трудно поверить. Кажется, сухая, словно потрескавшаяся в ознобе красная земля, прозрачно синее небо и белый раскаленный шар, зависший над головой, могут простираться вплоть до бесконечности.

Сергей притормозил возле обочины. Операция завершилась успешно.

– Ловкий солдат должен за сорок пять секунд суметь выкурить сигарету, расстрелять обойму калаша, трахнуть туземку и пасть смертью храбрых! – мрачно пошутил как-то раз Лоренц.

«На кой ты полез за этими чипами, немец тупорылый?! От нас требовалось забрать колбы и свалить. Из-за долбанных чипов мы выбились из графика и наравались на охрану!»

«Случайностей не бывает, дружище! – Демоническая улыбка не сходила с лица мертвого солдата. – Меня редко подводит интуиция, ты знаешь, Авдеич...»

Вертолет поднял кучу сухого песка, пригибаясь от вихревого потока ветра, к джипу подбежали трое военных. У высокого мужчины, одетого в униформу без знаков отличия, были аккуратно подстрижены бакки, что делало его похожим на Элвиса Пресли. Он кинул безразличный взгляд на труп Лоренца:

– «Лешие» гнались?

– Так точно...

– Сколько их было?

– Вначале трое, потом присоединились еще четверо. Двух я пристрелил рядом с базой.

– Все-таки смертны!

– Пуля в голову не оставляет шансов. Не могу понять, какого рожна они выпустили «леших»...

– Думаю, в порядке эксперимента. Образцы не повреждены?!

Сергей молча протянул запаянную колбу.

– Отлично! Живо в машину! Времени в обрез!

– А как же он?

Люди громко кричали, перекрывая шум вертолета.

– На войне как на войне! Слышал такую поговорку, капитан?

Авдеев зашагал вслед за двойником короля рок-н-ролла. Он старался не оборачиваться назад, но, схватившись за поручень, все-таки кинул взгляд на джип. Офицер облил труп Лоренца из фляжки, пламя вспыхнуло с яростным ликованием, будто вырвавшийся на свободу дьяволенок.

Ловкий солдат должен сгореть дотла за несколько секунд...

Неуклюже раскачиваясь, вертолет оторвался от земли, машина набрала высоту, а на земле полыхал маленький яркий огонек, как оторвавшийся кусочек солнца...

Сергей проснулся, нащупал бутылку с водой, припал к горлышку. Вода была теплая и противная, тотчас заболела голова. Давясь тошнотой, он допил содержимое бутылки и поднялся на ноги. За окном бушевала юная золотая весна, солнечные блики полоскались в черных лужах. Авдеев накинул футболку, вышел в коридор, рассеянно погладил соседского пса по лохматой голове. Собака умилительно вильнула хвостом-бубликом.

– Похмелье, брат, это такое национальное русское заболевание! – пошутил Авдеев, легонько щелкнул пса по влажному носу и направился в туалет.

Лучшее средство от запойной мути – спорт. Сиротливо брошенный спортивный костюм валялся в углу, как мятая кучка никчемного тряпья. Не в его положении привередничать! Он наскоро зашнуровал старенькие кроссовки, сунул в карман ключи и выбежал на улицу.

Первый километр оказался нелегким испытанием. Сердце зашло в бешеной скачке, прокуренный воздух со свистом вырвался из легких. Через пятнадцать минут изнурительного джоггинга дыхание выровнялось. Сергей выбежал на набережную лейтенанта Шмидта. По реке шел ледоход, белые льдины важно проплывали вдоль набережной. Каменные львы вперили невидящие глаза в пустое синее небо. Вечные стражи города. Спустя сорок минут кросса он поднажал еще немного.

Городские власти последние годы старательно благоустраивали исторический центр мегаполиса, не жалея казенных средств. По словам циничного писателя Павла Горовица, «наши вельможи умело осваивают денежные потоки». Черт с ними, пусть осваивают! Важно, что дорожки в парке старательно очищали от снега среднеазиатские дворники, а рядом с детской площадкой теперь возвышались турник и брусья, покрашенные в нейтральный зеленый цвет. На скамеечке расположились двое пьянчужек. Початую бутылку портвейна прикрывала пластиковая пробка. Сергей отвернулся. Зависимость въелась в его натуру, как старое масло в бутерброд! Ножом не отскребешь!

На исходе часа непрерывного бега он остановился. Стылое похмелье выходило наружу вместе со зловонным дыханием, как тухлый душок при отравлении. Авдеев ухватился за перекладину и подтянулся двадцать раз кряду. «Совсем недурно, господин капитан, опосля полтора недель бесперебойного пьянства!» Медленно, чувствуя, как растягиваются разогретые сухожилия, он отжимался на брусьях. Раз, два, три... Мысли поневоле возвращались ко вчерашнему разговору. Горовиц посмотрел на товарища карими глазами смышленной немецкой овчарки.

– Вы тоскуете по старым добрым временам, мой друг!

– С чего ты это взял?!

– Ваши очи загорелись пламенем. Не помните старый мультфильм про путешествие Нильса с дикими гусями? Домашний гусь Мартин так же глядел вслед улетающей стае. Надо полагать, вас побеспокоили бывшие знакомые?

– Вроде того...

– Странные у вас друзья, Сергей Матвеевич! Они прячутся в тонированной машине, вместо того чтобы выйти навстречу и пожать руку! Что это может означать по-вашему?

– А как ты считаешь, Паша?

– Эти господа в манерном автомобиле не хотят, чтобы вы их видели. Вопрос – почему? Коли они назначили встречу наутро, какого, прошу прощения, дьявола прятаться в машине?

Сергей распрощался с писателем и отправился домой. Больше он в тот день ничего не пил. Продолжая физические упражнения, он вел мысленный диалог с невидимым собеседником. Так легче думалось.

«Доброе утро, капитан! Слушай расклад. Незнакомец продиктовал адрес. Если бывшего офицера побеспокоили представители спецслужб, они не приглашают наймитов на квартиру, словно заказывают пиццу или вызывают проститутку. Обычно встреча происходит на нейтральной территории. Парк, кафе. Улица Гороховая, дом сорок девять, квартира три. Надо полагать, офис, согласен?»

«Сорок семь, сорок восемь...»

– Пятьдесят!

Сергей шумно выдохнул через ноздри, закончил отжиматься на брусьях, мягко, по-кошачьи спрыгнул на землю.

– Разогнал кровушку по затекшим мышцам! – пропел он себе под нос, легкой трусцой побежал к дому. Он мысленно отработывал варианты предстоящей встречи, мускулы привычно

работали, а мозг деловито перебирал варианты, отсеивал ненужное, вспоминая детали вчерашнего разговора.

«Все просто. И сложно. „Они“ пообещали вознаграждение, не озвучив сумму. Так не бывает. Психологический прием. Наемника следует немедленно увлечь деньгами, по ходу пьесы цифра может поменяться, но, как известно, первое впечатление самое сильное. Почему? Ответ простой. Субъекты в джипе неплохо осведомлены на твой счет, приятель! Увлекающаяся натура. Таинственность важнее корысти. Следовательно, заказчиком является человек, который хорошо знает тебя лично. Таких осталось немного».

Когда он свернул с проспекта, от дома отъехал черный «шевроле-тахо», номер был скрыт от обзора едущим следом фургоном. Вдоль пешеходной зоны сновали прохожие, а петлять среди людей, как заяц, здоровому мужику в мятом спортивном костюме и седой щетиной на скулах не хотелось. Он поднялся по лестнице, открыл дверь, пес радостно заюлил возле ног. Авдеев прошел на кухню, достал из холодильника шмат колбасы, пес щелкнул зубами и поймал драгоценность на лету.

Черных «шевроле-тахо» в городе как бродячих собак! Говорят, во всем мире только русские и американцы предпочитают большие, прожорливые автомобили.

«Не лги себе! Это была та самая машина!»

Бриться было приятно, а контрастный душ изгнал остатки похмелья. В шкафу сохранилась свежая рубашка и отглаженный костюм, во время запоя брючная пара была как-то без надобности. Когда Сергей завязывал галстук, пальцы рук заметно дрожали. Но то был не симптом похмелья, а ощущение куража перед встречей.

Он соорудил яичницу из трех яиц с остатками колбасы. Большую часть завтрака выклянчила соседская собака, не сводя умильных карих глаз с человека.

До означенного незнакомцами срока оставалось сорок шесть минут. У него в запасе будет десять – двенадцать минут для того, чтобы осмотреться на месте. Капитан Авдеев чувствовал себя бодро, готовым к встрече. И только спускаясь по эскалатору в метро, он вспомнил комья синей грязи, прилипшие к бамперу «шевроле». Номер не заметил, хотя помнил его отлично, а вот синяя нездешняя грязь висела на порогах сухой коркой. Вспомнил и мысленно усмехнулся. Он снова в строю. Старые добрые времена возвращаются...

После короткого раздумья он достал смартфон. Спустя шесть долгих гудков ответил заспанный женский голос:

– Алло...

– Привет. Это я.

– Узнала. Что ты хочешь?

Он закрыл глаза и мысленно увидел бывшую жену. Пепельные волосы всклокочены, как воронье гнездо, в больших голубых глазах застыл страх. Наверняка она обернулась на входную дверь. Почему-то ему стало смешно.

– Не бойся. Я трезвый.

– Хочется в это верить...

– Не помню случая, чтобы я тебе врал.

– Я тоже не помню. Зачем ты звонишь?

– Как Ангелина?

– С ней все хорошо.

– Мне предстоит небольшая халтура, скоро пришлю вам денег...

– Ты уезжаешь? – В ее тоне прозвучала робкая надежда.

Не обольщайтесь, мадам. Ваш бывший супруг – счастливчик. Не стоит надеяться, что его так быстро прикончат!

– Вернусь – позвоню! – отрезал Сергей. Он пожалел, что позвонил бывшей супруге.

*Ставрополь. 15 апреля. 12:30*

Кощей открыл глаза. Он увидел чудесный сон. Опаленная солнцем земля и чудесный оазис, раскинувшийся в сердце пустыни. Прозрачное озерцо, наполненное ключевой водой, среди пальм пляшут чернокожие голые девицы. Они тянут к нему свои бесстыдные толстые губы, груди трясутся, как у стриптизерш, на шее висят цветные ожерелья. Он радостно хохочет, в вену вонзается тонкая игла.

– Это самый гремучий кайф, что тебе доводилось испытывать, дорогой! – Негритянка поцеловала его в губы.

Женщины прижимались к нему своими бедрами, мускусный запах сводил с ума несчастного наркомана.

Кощей помотал головой, видение исчезло. Он никогда не выезжал дальше Ростова. Если не считать Тамбовской губернии, где молодой человек отсидел два года в колонии усиленного режима. Скверное было время. Местные урки крепко опускали неопытного юношу. Сучья зона, беспредел. Сломанные ребра да выбитый зуб так и остались в дремучих тамбовских лесах. Но с тех пор многое изменилось. А теперь Лешка Трутнев, хорошо известный на районе субъект под погребухой Кощей, владеет магией, которую не может дать ни один наркотик!

– Хотел бы я сейчас встретиться с теми уродами... – процедил он сквозь зубы.

Воспоминания о зоне вызвали в нем острый приступ ненависти ко всем успешным уродам, живущим бок о бок, появилась жалость к себе и смутное ощущение неотвратимо приближающегося конца. Говорят, что на волю из далекого Тамбовского края вслед за ним пришла малява. Мол, имейте в виду, местные хлопцы! Рядом с вами теперь живет опущенный. Таких называли «петухами» или «козлами». Но в наркоманской среде статус не имел значения. Однако предчувствие сладкой мести вызвало тихий стон. Желание убивать, насиловать, калечить оказалось столь невыносимым, что причиняло физическую боль. Как на ломках...

Воздух в подвале был густой и сладкий, как сгущенка. Его насыщали множество запахов. Нежными потоками они ласкали ноздри, от них кружилась голова. Новые ощущения, новая жизнь. И еще, конечно, свет! Он был ярким, щемяще голубым. Человек поднес к глазам ладонь. Кожа заискрилась золотыми точками, они буравили плоть, впивались в естество, оставляя неповрежденными гладкие покровы. Он видит в темноте! Хороший кайф, честный кайф!

Он сорвал с себя одежду. Нагота делала его совершенным. Каждая клеточка тела впитала новую природу, источая энергию преображения. Он – совершенен! Человек радостно рассмеялся. Он стоял обнаженный посреди темного подвала и ощущал себя властителем мира.

В углу послышался шорох. Кощей метнулся туда, и тотчас в его руках извивалась большая серая крыса. В подвале было темно, сквозь заколоченные окна свет не проникал с улицы, но он без хлопот разглядел выпуклые черные глазки, дрожащий розовый нос и седые, похожие на упругие проволочки усики. Несчастное животное оцарапало коготками кожу мучителя, пытаясь вырваться на свободу. Розовый облезлый хвост обвил пальцы. Крыса оскалила острые резцы. Кощей сжал пальцы, отбросил в сторону расплющенное тельце. Убивать хорошо! Ему нравится убивать, чужая смерть придает силу.

Хлопнула дверь, узкая полоска света разорвала непроглядную мглу подвала.

– Здесь ни черта не видно!

– Там свет включается...

После недолгой возни раздался сухой звук выключателя, зажглась лампочка. На входе остановились двое мужчин. Высокий, худощавый, одетый в мятый костюм и приземистый крепыш в джинсовой куртке. У коротышки на затылок была сдвинута бейсболка. Он скептически осмотрел стены, пару раз стукнул каблуком по каменному полу, будто намереваясь отбить чечетку.

– Под склад подойдет, но в ремонт вложиться надо!

– Да какой ремонт, Клим?! Побойся бога! – рассмеялся худой. – Тебе здесь не капусту хранить, а стройматериалы. Поменяешь дверь, окна досками забиты, их только застеклить и решетки поставить! Копеечное дело!

– Прибавь еще сигнализацию... – ворчливо заметил Клим. Он снял бейсболку и вытер ладонью взмокший лоб. – А почему здесь такой запах?!

– Какой запах? – Худой вытянул длинный нос. – Обычный подвальный запашок! – Он ткнул носком башмака раздавленную тушку. – Крысы! Вот тебе и запах!

– Еще и крысы!

– А где ты видел подвалы без крыс?

– Все равно ты дорого хочешь! – убежденно сказал Клим. – Цену надобно обсудить!

Он хотел еще что-то добавить, многозначительно нахмурил низкий лоб, но не успел. То, что он впотьмах принял за кучу лежалого мусора, превратилось в человеческую фигуру. Фигуру голую, грязную до отвращения, не человек, а персонаж из фильма ужасов! Он испуганно попятился назад. От чудовищного удара в грудь худого отбросило к стене, череп хрустнул, как перезрелый арбуз. Клим опрометью кинулся бежать прочь из страшного подвала, запнулся за ступеньку, чуть не упал, но сумел сохранить равновесие и теперь огромными прыжками летел вверх по ступеням. Ему вдруг стало так страшно, как не было никогда в жизни. Сердце зашлось в безумном ритме. Только мышцы ног звенели как струны, если бы таймеры зафиксировали скорость, с которой коротышка рванул по лестнице, был бы поставлен мировой рекорд! До спасительной дверцы оставались считанные шаги, когда железные руки стиснули шею. В щели под дверью искрилась тонкая золотая полоска дневного света. Спасение было совсем рядом. Он покатылся назад, увлекаемый дьявольской силой. Оказавшись на дне подвала, Клим жалобно захрипел.

– Пожалуйста, отпустите меня! Я заплачу! – Его голос походил на звук испорченного магнитофона, сухой, трескучий, заезженный. Спасительная мысль озарила сознание. Это ограбление! Клим хотел было извлечь из кармана бумажник, но не мог высвободить руку. – Я заплачу! – прошептал он, свято веря, что за деньги можно решить любую проблему.

– Ты все еще грустишь, мой сладкий беби!

Едкий запах формалина ударил несчастному в ноздри.

– Нет!!! – закричал мужчина тоненьким женским голосом, сверху обрушился оглушительный удар.

#### *Москва. 8-е отделение Генерального штаба Российской Федерации*

Генерал пребывал в возбужденном состоянии. Он мерил шагами кабинет, дважды останавливался возле столика, порывисто наливал в рюмку коньяка, выпивал, залихватски крякал. Выглядел он немного комично. Широкоплечий, коротконогий, с черными густыми бровями и такой же смоляной богатой шевелюрой, которую пощадили годы. Лишь редкие серебряные нити просвечивали в жестком ежике бравого вояки. От его беспрестанного движения на столе дрогнули карандаши в стаканчике.

– Андрей Петрович! Прошу тебя, присядь на минутку! – взмолился Марков.

Генерал ожег взглядом старого товарища.

– Какого же черта ты молчал все эти годы, сукин сын?!

– Не было доказательств.

– А у американцев доказательства были?!

– Ты же смотрел видео...

– «Видео»! – передразнил генерал. – Ты лучше остальных должен понимать, что могло случиться, если бы наши заокеанские «друзья» получили сыворотку!

– Они ее и получили. Только недостаточно эффективную. У тебя так давление подскочит, Петрович! – сказал Марков.



– К черту давление! Это ведь сенсация, понимаешь!

– Понимаю. И не я один...

– Ты что имеешь в виду? – Генерал нахмурился.

– Ситуация не из простых. – Марков с трудом подбирая слова. – Разработку препарата вначале проводили крупнейшие институты страны. Сам понимаешь, исследования велись в строжайшей тайне, но результат – ноль. Миллионы были выброшены на ветер. Тогда мы и организовали операцию. Риск был слишком велик, официальные службы не имели права вмешиваться в суверенные дела независимого африканского государства. Для подобного рода акций обычно нанимались специальные люди. Отлично обученные, имеющие опыт работы в экстремальных условиях. Смертники. Долго не живут, но дело свое знают неплохо. В случае провала противник обнаружит гражданина без имени, страны и отечества. Мы даже их трупы сжигали, а не забирали с собой! – он налил коньяка, выпил, сжевал дольку лимона. – Парни совершили невозможное, в той стране американцы проводили эксперименты над местным населением. Вводили PL-14 в микродозах и выпускали пошлать. В малых пропорциях сыворотка действует постепенно, эффект не ярко выражен, лица только чернеют, словно головешки. Но сам понимаешь, по тамошним местным это не особенно заметно. Таких подопытных называли «лешими».

– Почему «лешие»?

– Назвали их так в шутку, а слово прилепилось, наждаком не отодрать. Скорость бега инфицированного субъекта возрастает во много раз. Пустишь такого на Олимпийские игры, он золото на всех дистанциях заберет. К тому же кожа темная, одним словом – леший, а не человек! Странно другое. «Лешие» действовали организованно, будто меж собой имели телепатический контакт.

– Как это понимать?!

– Понимай как хочешь. Рациями испытуемых не снабжали, сотовых, как ты понимаешь, у них тоже не было. Но стоило появиться одному, тотчас, словно из-под земли, объявлялись остальные. Для вооруженных людей «лешие» не представляли опасности, хозяева не снабжали их оружием...

– Пока не снабжали! – Генерал многозначительно поднял левую бровь.

– Пока... – в тон собеседнику ответил Марков.

– Продолжай.

– Короче говоря, мы добыли споры американского препарата, доставили его в наши лаборатории. Нужен был человеческий материал для опытов...

– Эки? – полувопросительно кивнул генерал.

– Обычная практика, – пожал плечами Марков.

– Они умирали?

– Не так быстро. Но результат был слабо выражен. Там возник странный побочный эффект. Кроме потемнения кожных покровов, менялся характер инфицированных людей, говоря по-простому, они становились жестокими, кровожадными, что ли...

– Уголовники редко похожи на Льва Толстого!

– Хотя сыворотка действовала на всех по-разному. Небольшой процент испытуемых оказался вовсе не подвержен разрушающему действию на личность, хотя изменения наблюдались.

– Например...

– У отдельных субъектов появлялись ранее несвойственные им привычки. Некоторые начинали курить, хотя никогда не курили раньше, возникала наркотическая тяга и тому подобное. Человеческий внутренний мир – тема малоизученная. Важно другое. Искомые сверхспособности сыворотка PL-14 в микродозах давала сомнительные, испытания не имели перспективы. Замкнутый круг. Высокая концентрация препарата людей убивает, на короткое время превращая их в суперменов, низкая всего лишь выявляет скрытые дефекты души. Опять-таки

меняется интеллект, но не в ту сторону, чтобы пичкать сывороткой ученых. Конечно, для психологов это интересно, но практическое применение – нулевое. Любой обычный стимулятор выгоднее и проще.

– А что дальше?

– Решено было прекратить разработки. Но часть имеющегося материала я на свой страх и риск разослал по областным лабораториям. Прошло несколько лет, и вот безвестный гений из ставропольского института находит новую версию препарата!

– Судьба... – медленно проговорил генерал. – То есть ты хочешь сказать, что секретности нам уже не сохранить?

– Не уверен. Важно другое. Нам нужны здоровые мужчины для проверки «красного жука». Пока все эти выкладки, графики и рисунки не более чем теория.

– Не сомневаюсь, что ты уже нашел кандидатуру! – одними губами улыбнулся Андрей Петрович, но глаза его пристально смотрели на собеседника.

– Пока об этом говорить преждевременно... – уклончиво ответил Марков.

Генерал опустил в кресло и задумчиво выбил дробь пальцами по кожаному подлокотнику.

– Что есть такого, что ты мне еще не сказал, Иван Сергеевич? – медленно, будто размышляя вслух, спросил он.

– Есть одна неприятная деталь, – кивнул Марков.

– Американцы, – почти утвердительно кивнул генерал.

– Так точно. Мы считаем, что они продолжали разработки PL-14. И я могу лишь предполагать, какого результата они добились. По имеющимся данным, за минувшие годы в некоторых странах мира, включая Россию, осуществлялись экспериментальные диверсии. По сути дела, ничего серьезного, важно другое. Очевидцы описывали чужаков, сильно напоминающих «леших». Я убежден, что некто, находящийся сейчас в соседнем кабинете, очень внимательно выслушал доклад о ставропольском открытии.

Андрей Петрович придирчиво оглядел свой мундир, смахнул с лацкана несуществующую пылинку.

– Надо доложить обо всем президенту... – сказал он, но как-то вяло, будто размышляя вслух.

– Я бы не стал пока этого делать, – с деланным равнодушием ответил Иван Сергеевич. Он сделал нажим на слово «пока». – До окончания результатов эксперимента. Знаешь, плохая это примета – рассказывать о деле до его завершения.

– Хорошо. Я подумаю. А что скажем остальным?

– То же, что и прежде. Ведутся разработки, о результатах обязательно будет сообщено дополнительно.

– Едва ли их устроит такой ответ, – покачал головой генерал. – Тот же Еременко всю душу вынет. Въедливый черт!

– На этот случай ставропольский проект курирует некто Хорьков. Это мой человек. Он таких дотошных, как Еременко, ест на завтрак вместо яичницы. Все вопросы к нему! Каждый желающий получит координаты для связи.

– Спрашивать, кто этот загадочный «некто», не имеет смысла? Все равно не скажешь!

– Всему свое время, дорогой генерал! – улыбнулся Марков.

– Ну и личный вопрос, Ваня! – Андрей Петрович лукаво улыбнулся, но взгляд его, казалось, готов был проникнуть товарищу в самое сердце. – Почему ты собрал представителей ведомств, а не рассказал мне лично? Надеешься подстраховаться в случае провала?

– От тебя ничего не скроешь! – рассмеялся Марков. Он вытер ладонью со лба капли пота. Бледные тени легли на землистое лицо. Мужчина выглядел намного старше своих лет, пальцы

рук дрожали, на виске вибрировала синяя жилка. – Есть мнение осуществить небольшой эксперимент в естественных условиях.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотреть, как действуют «лешие» в реальном бою. Согласись, соблазн велик!

«Постарел гвардеец! Или болен. Разучился грамотно подавать информацию!» Генерал многозначительно покачал головой, словно не понимая, о чем, собственно, идет речь.

– Жертв не избежать?

– Лес рубят, как говорится...

– Избавь меня от пошлых сентенций, дружище! А откуда тебе известно, что «лешие» ввяжутся в заварушку?

– Интуиция. И потом, это те малые детали, которые я предпочел бы разработать самостоятельно, – уклончиво ответил Марков.

– Ладно! Пойдем к людям, а пока будь по-твоему. Когда ты намереваешься получить... – Он запнулся. – Получить результаты работы?

– В ближайшие сутки! Я рад, что мы верно друг друга поняли, Петрович!

Человек пригладил седые бачки и впервые за все время разговора широко улыбнулся, отчего сухое, вытянутое, как растекшийся по сковороде блин, лицо стало вполне милым и привлекательным.

*Ставрополь. 15 апреля. 07:25*

За минувшую ночь Травкин почти не сомкнул глаз. Сквозь прозрачный тюль ярко светила назойливая красная луна, круглая и блестящая, как гигантская медная монета, а в голову лез всякий вздор. Накануне он пожертвовал собственную кровь для получения плазмы, девчонки-лаборантки, напуганные страшным лицом миролюбивого шефа, прокрутили в центрифуге пробирку с жидкостью. Время вызревания спор сыворотки – восемь – десять часов. Оставалось только ждать. Он маялся в лаборатории допоздна и ушел, лишь когда усатый, похожий на боевого моржа вахтер принялся угрожающе греметь связкой ключей. Впрочем, со вчерашнего дня вахтер служил номинально. Возле здания института круглосуточно дежурили черные машины, а у дверей лаборатории неотлучно находились пара дюжих молодцов в костюмах. Они были похожи на братьев-близнецов и, несмотря на кокетливые взгляды девиц, оставались бесстрастными, как два накаченных манекена. Когда Травкин покидал институт, к нему тотчас подкатила одна из таких машин, и вежливый казенный голос приказал уважаемому Алексею Семеновичу немедленно сесть в салон джипа. После того как молчаливый водитель отвез его домой, автомобиль остался дежурить возле парадной. Нельзя сказать, что такое соседство улучшило и без того тревожное состояние молодого ученого.

Солнце окрасило верхушки тополей розовой пеленой, робко запели птицы, Травкин протер кулаками воспаленные глаза и потопал в ванную. Десять минут ледяного душа и три чашки крепчайшего черного кофе слегка его взбодрили. Он выглянул в окно. На улице было пустынно, черная машина стояла на прежнем месте. Опустилось тонированное стекло, изнутри высунулась рука и опорожнила пепельницу, полную окурков.

– Не человек, а терминатор какой-то! – вздохнул Травкин, наскоро оделся и вышел из квартиры.

Ласково шелестела молодая листва, утренний воздух был свеж, пах зеленью и росой. Хотелось раздеться донага и упасть в высокую траву, чтобы нежная зелень впитала боль, страх и усталость. Травкин решил пройти до института пешком, подумать, развеяться – после бессонной ночи и лошадиной дозы кофеина голова гудела как колокол. Джип немедленно двинулся следом за ним, дверца распахнулась.

– Садитесь в машину, Алексей Семенович!

Водитель выглядел так же бодро, каким был накануне вечером.

– Вы принимаете стимуляторы? – раздраженно спросил ученый.

– Сядьте в машину, пожалуйста!

– А если я откажусь?!

– Не советую... – На бесстрастном лице промелькнуло нечто отдаленно напоминающее улыбку. Хотя едва ли. Автоматы не умеют смеяться.

– Вы примените силу? – высокомерно хмыкнул Травкин. Он был на полголовы выше приземистого охранника и на добрый пяток килограммов тяжелее. К тому же в юности занимался вольной борьбой, да и сейчас, на исходе третьего десятка, мог несколько раз выжать гири двухпудовки.

– Уверен, что до этого дело не дойдет! – сказал водитель с ледяной вежливостью вышколенной прислуги. – Прошу в машину, Алексей Семенович!

– Пошел ты к черту вместе со своей таинственной организацией! – крикнул ученый.

Сказывался и недосып, и три чашки кофе взвинтили нервы до предела, но более всего он разозлился на этих бездушных автоматов. С какой стати кто попало будет распоряжаться его маршрутом?! Захочет и вовсе на работу не пойдет! С тех пор как ему удалось «поймать» новую фазу деления «жука», жизнь превратилась в кошмар. Он работает, ездит домой, ест, пьет под неусыпным контролем безликих мужчин в костюмах. Конечно, важнейшее открытие, значение которого трудно переоценить, но зачем же стулья ломать, цитируя гоголевского персонажа?! Хотя, если говорить честно, ничего принципиально нового он не открыл. Идею PL-14 предложил московский ученый Райхель. В то время Травкин завершал учебу в университете. Он дважды видел Райхеля – обычный плешивый дядечка в пиджаке с замусоленными рукавами. Говорили о нем как о чудаковатом гении. Молодой ученый буквально заболел идеей создания сыворотки. И вот спустя несколько лет на адрес Ставропольского института пришла посылка со спорами препарата. Отправитель был неизвестен, прямо-таки детективная история! С тех пор началась новая жизнь. Травкин потерял покой и сон. Ему, как Менделееву, приснилась заветная формула очищенного препарата, но молодому ученому не повезло, в отличие от бородатого химика, – сон оказался пустышкой. Искомый результат нашелся случайно. Не было озарения, творческого экстаза и тому подобной околонуточной требухи. Только нудная кропотливая работа изо дня в день. И в результате неисчислимого количества экспериментов объявился относительно стабильный образец. После пробной дозы мыши не погибали в течение получаса, а становились необычайно активными. Хотя, несомненно, продолжительность жизни подопытных животных заметно сокращалась, и все же это был небывалый прогресс! Удивительно, но простейший аргинин оказывал на PL-14 стабилизирующее действие. Правда, уровень активности банального герпеса возрастал десятикратно, но это мелочи, на которые не следовало обращать внимания. Травкин немедленно отпрапортовал в Москву, и спустя двенадцать часов на пороге его кабинета объявился бледный как смерть господин Хорьков. С первых минут общения ученый ощутил непривычную робость при виде высокого гостя, хотя тот ничем особенно страшным не выделялся. Быть может, психологическая несовместимость типов личностей, или Хорьков обладал даром гипноза. И вместе с ним в институте объявились «клонированные» красавцы. Они не вмешивались в работу сотрудников, вели себя предельно вежливо, сухо, корректно, как хорошо дрессированные доberman-пинчеры. Дружеская шутильная атмосфера, царящая в лаборатории, исчезла, уступив место напряженным трудовым будням. Раньше сотрудники обращались друг к другу запросто по имени, с приходом варягов сами по себе возникли неуклюжие отчества. И лица ученых приобрели то скорбно-постное, сочувственное выражение, которым так славятся работники похоронных бюро.

– К черту! – со вкусом повторил ученый, смакуя мгновения триумфа. – Пойду пешком, и ничего ты мне не сделаешь!

Буйный хмель свободы ударил в голову, как молодое вино. Он демонстративно подхватил портфель и зашагал по асфальту, наслаждаясь свободой и гордясь собственным мужеством. За спиной тихо хлопнула дверца машины.

«Сейчас начнет уговаривать!» – мстительно подумал Травкин.

Между деревьев промелькнула черная тень и тотчас скрылась в кустарнике. Нечто отдаленно похожее на человеческий силуэт. После развилки тропа уходила вглубь парка, высокие деревья-великаны распростирали могучие руки. Сквозь полог густой листвы почти не проникал солнечный свет. Хрустнула сухая ветка, возмущенно загалдели сороки, стайка птиц поднялась с насиженного места. Ученый остановился. По спине побежали колкие мурашки.

– Собака, наверное... – произнес он вслух, желая себя подбодрить.

Он знал парк как свои пять пальцев, по выходным совершал здесь пробежки. Через триста метров начнется широкая развилка, за ней центральная аллея, оттуда рукой подать до проспекта. Если затаить дыхание, то можно было услышать рокот проезжающих грузовиков. Дорогу пересекла рыжая белочка, зверек зыркнул на незнакомца блестящим глазом и нырнул в заросли репейника. Травкин хотел пошутить над своими детскими страхами и в ту же секунду хлесткий удар в челюсть сбил его с ног. Лязгнули зубы, перед глазами поплыл туман, рот наполнился горячей кровью. Он попытался встать на ноги, чувствуя сильнейшее головокружение. Яростный крик будто прилетел с неба и обрушился, как камень, выпущенный из пращи.

– Лежать!!! Не двигаться! Лежать на месте!

Все дальнейшее было похоже на старинную киноленту, запущенную в замедленном темпе. Травкин увидел, как по тропе не бежит, а скользит его телохранитель. Ноги едва касались земли, плавным, не лишенным изящества движением он расстегнул пиджак, под мышкой угрожающе топорщилась черная кобура. Расплывчатая тень оказалась на его пути. Скорость ее перемещения была поразительна. Одним прыжком водитель преодолел широкую канаву, из крошечного черного дула вырывался желтый огонек. Тень успела пригнуться, пуля выбила острую щепу из ствола могучего дуба.

Ученый сплюнул на землю кровавую жижу, машинально ощутив языком шатающийся клык. И тотчас его накрыл воздушной подушкой звук выстрела. Заложило уши, но зрение становится резким и отчетливым. Он успел увидеть, как черная тень метнулась в кусты, и уже через секунду где-то далеко хрустнула сломанная ветка.

Водитель нагнулся к раненому, быстро и профессионально ощупал шею и скулу. Он почти не запыхался от бега, только лоб прочертила глубокая морщина, и на виске часто пульсировала тонкая голубая жилка.

– Я просил вас, Алексей Семенович, сесть в машину! – проговорил он тоном нудного школьного преподавателя, легко, как пушинку, подхватил стокилограммовую тушу кандидата наук на руки и зашагал к выходу из парка.

\* \* \*

В салоне автомобиля мужчина достал из бардачка гигиеническую салфетку и протянул ее Травкину.

– Как вы себя чувствуете? Голова кружится, тошнит? – В голосе звучала искренняя забота, ученый ощутил угрызения совести. Парень по виду его ровесник, а хлопчет, как добрый папаша!

– Спасибо. Уже лучше... – Травкин потрогал шатающийся клык. – Чем это он меня так?

– Кулаком. Куда вас отвезти, Алексей Семенович?

– Сегодня должны выречь новые споры. Думаю, мне удастся модифицировать сыворотку до оптимального уровня. Я надеюсь получить до сорока миллионов единиц продукта!

Что-то хрустнуло в шее, голову ожгло болью, ученый замолчал, поняв, что малограмотный телохранитель вряд ли поймет, о чем он толкует.

– Извините меня. Я так увлекся созданием новой версии препарата, даже не поблагодарил...

– Это моя работа. Вы – выдающийся ученый, Алексей Семенович! Вам следует себя беречь!

– Всего лишь кандидат наук... А как вас зовут?

– Антон.

Он внимательно огляделся по сторонам, включил зажигание, машина бесшумно покатила по асфальту. Травкин ощупал скулу. Губа почти не кровоточила, приступ головной боли прошел, а вот зуб едва держится в лунке. Придется идти к стоматологу. Как можно нанести удар такой силы обычным кулаком?! Он даже не успел разглядеть нападавшего, настолько быстро тот перемещался! Вероятно, действие наркотиков. Говорят, сейчас появились новые психотропные вещества, нечто вроде стимуляторов.

– Этот парень оказался слишком шустрым!

– Более чем. – Антон вывернул на главную дорогу.

– Наверное, бывший боксер. Такой удар, словно лошадь лягнула!

– Вполне возможно... – По каменному лицу человека невозможно было угадать, о чем он думает на самом деле.

– Вы стреляли в него?

– В данной ситуации я не видел иного выхода.

– Да уж... – протянул Травкин. Чтобы разговаривать этого робота, надо обладать способностями умелого психотерапевта. Кандидат наук такими навыками не владел.

Автомобиль припарковался у входа в институт. Здесь уже дежурили две такие же машины. Дело серьезное, коли возле провинциального института паркуются такие шикарные тачки! И все с московскими номерами. Важные шишки! К стеклянным дверям немедленно приткнулся усатый вахтер, угрюмое лицо было насуплено. Время раннее, а ученый народ публика беспокойная и совершенно бесполезная на его житейский взгляд! Вон и этот умник приперся на службу ни свет ни заря! Старик недовольно громыхнул связкой ключей.

– У меня к вам просьба, Алексей Семенович! – Антон достал из кармана маленький сотовый телефон. – Возьмите это!

– У меня есть смартфон!

– В этом телефоне забит только один номер. Прямая связь со мной лично или с моим напарником. Набирать номер не надо, достаточно нажать вот эту красную кнопку...

– Для чего достаточно?! – Ученый подозрительно ощупал крохотный аппарат, скорее похожий на детскую игрушечную рацию. С трудом верилось, что нажав пунцовую, как пожарная сигнализация кнопку, можно наладить связь.

– Если возникнет опасная ситуация, вроде той, что случилась в парке. Или вам покажется, будто что-то идет не так, немедленно нажимайте кнопку. При любой опасности либо нестандартной картине воспользуйтесь рацией. Где бы вы ни находились – дома, на работе, в ванной или в уборной. В трубу встроена система наведения, я буду знать, где вы находитесь.

– Стоит ли поднимать панику из-за одного наркомана?!

– Я очень вас прошу отнестись серьезно к моей просьбе. В парке на вас напал не обычный злоумышленник. – Антон протестующе поднял ладонь. – Больше я ничего говорить не буду. Закончим на этом. Держите трубку. В армии служили?

– Младший сержант запаса! – не без самодовольства объявил Травкин. Ему нравилось вспоминать армейскую службу.

– А я – майор. Это приказ!

Травкин сунул рацию в карман брюк, вышел из машины и медленно зашагал к дверям института, чувствуя затылком цепкий взгляд нового товарища. Просто так из Москвы майора не пришлют!

– Доброе утро, Петр Иванович! – рассеянно кивнул ученый, погруженный в свои невеселые мысли.

– Кому доброе, а кому и не очень! – отрезал старый вахтер.

– Что-нибудь случилось?

– А будто вы не знаете? Увольняют меня!

– Кто увольняет? И за что?!

Петр Иванович работал вахтером и ночным сторожем по совместительству с незапамятных времен. Старейший работник института.

– Говорят, теперь здесь будет вооруженная охрана. Круглосуточно! Кому нужен ворчливый одинокий дед? – Он украдкой вытер слезящиеся глаза и, сгорбившись, побрел по длинному коридору.

Травкин провел ладонью по густым волосам. В следующую минуту он позабыл и про вахтера, и про смешную рацию с кнопкой. Говорят, великие ученые эгоистичны, как дети и кошки. Они думают только о себе. В лаборатории хозяйничала хорошенькая Люда.

– Доброе утро, Алексей Семенович!

Все мужское население института млело, глядя на стройную фигурку, обтянутую белоснежным халатиком. Не был исключением и кандидат наук Травкин, но изо всех сил это скрывал. Вопреки устоявшемуся стереотипу, Людочка была не только красива, но и умна.

– Привет, Люда! – бросил он походя и склонился над микроскопом. И тотчас гений забыл милую Люду, которая невзначай прильнула изящным бедром. Он не почуял запаха ее тонких духов и касания трогательного завитка волос на своей шее. Ученый увидел только множась споры «красного жука», и остальной мир перестал для него существовать...

Антон проследил за объектом, убедился, что тот скрылся за дверями института, и достал рацию.

– Только что на Травкина было совершено нападение.

– Он жив?

– Да. Все в норме.

– Нападавший задержан?

– Никак нет. Это был «леший».

Некоторое время абонент молчал, как бы осмысливая услышанное. Антон уже было решил переспросить, как трубка ожила.

– Ошибка исключена?

– Я стрелял, он увернулся от пули.

Опять возникла долгая пауза.

– Ты снабдил объект сигналкой?

– Так точно.

– Не упускайте парня из вида ни на минуту. Скоро поступят новые распоряжения. До связи.

Короткий щелчок, связь отключилась. Антон Кармазин аккуратно положил рацию в гнездо возле водительского сиденья, откинулся на кожаную спинку и мгновенно заснул. Привычка, выработанная годами. Напарник его подстрахует, он и так без сна уже тридцать шесть часов. Последнее, о чем он подумал, прежде чем погрузиться в сладкую пучину дремоты, это был «леший». Черное лицо, уникальная скорость перемещения, моментальная реакция.

Физическая форма, зрение и наблюдательность у них чуткие, как у хищника. Что мог делать «леший» в южном городе России, остается загадкой. Это не его дело. Пока спать...

*Ставрополь. Подвал дома 24, улица Московская*

Майор Ершов в очередной раз отер влажным платком пот со лба. В подвале было душно, воняло потом, сладкой кровью и еще чем-то едва уловимым, так пахнет в аптеке или в зубной клинике. Следовательно с детства боялся зубных врачей, и едкий приторный аромат вызвал неприятную оскмину. Сердце нырнуло в грудную пазуху, как шаловливый котенок. Хотелось как можно быстрее выйти на улицу, вдохнуть полной грудью, изгоняя из легких тягостную больничную ауру.

– Ну, что скажешь, Михаил Семенович?

Он растер грудину и повернулся к эксперту. Глядя на тезку маршала кавалерии, тотчас хотелось поверить в переселение душ. Те же пышные, лихо закрученные усы, боевой взгляд жгучих очей. Сходство усиливали короткие массивные ноги и кряжистая фигура.

– А что тут скажешь, Петро? – нараспев ответил клон Буденного. – Убийство произошло четыре-пять часов назад. Тела усопших не успели окоченеть. Тот, что худой, погиб сразу же. Его, видать, крепко по стене жажнули! – Эксперт обладал своеобразным чувством юмора.

– «Жажнули»! – передразнил товарища Ершов. Он рассеянно просмотрел документы погибших. Они вместе с бумажниками и деньгами оказались нетронутыми, версия ограбления исключалась.

– Официальное заключение получите завтра утром, Петр Гаврилович! – Эксперт обиженно поджал губы. – Бумага будет составлена по всей форме казенного протокола.

– Не сердись, Миша! – улыбнулся майор. – Духота здесь страшная. Валяй дальше!

– Валяю. Итак. Удар такой силы, что у нашего героя череп лопнул, как арбуз. Нанести такой удар крайне затруднительно. Помещение тесное, низкий потолок не дает возможности для широкого размаха. Смекаешь?

– Пока не очень...

– Убийца обладает невероятной физической мощью, вот что я хочу сказать. Этот худой дядечка и так стоял в полуметре от стены. Представь себе, с какой силищей надо толкнуть в грудь, чтобы сломалось основание черепа! А там крепкие кости, дружище, и у убитого на грудной клетке остались гематомы. Будто носорог боднул. И еще. Злодей был босиком!

– Что значит – босиком?!

– Вон в пыли следы ступней отпечатались. Также здесь валяется чья-то одежда. Не исключено, что наш герой скачет по улицам в чем мать родила. Погибшие были людьми приличными, в башмаках...

Следователь брезгливо ткнул носком ботинка мятые джинсы:

– Отправь это добро на экспертизу.

– Будет исполнено! – улыбнулся эксперт. – Но вообще дело не из простых, Петро!

– Успокоил! – невесело усмехнулся Ершов.

Он прищурился, с трудом разбирая мелкие буквы. Булкин Семен Андреевич, сорок один год, адрес... «Надо будет сообщить родственникам, – подумал майор. – Уважаемые господа! Вашего мужа (сына, брата и т. д.) давеча размазал по стенке злоумышленник вроде заправского панчера. Убил ударом кулака. Как в сказке про купца Калашникова. Но мы его обязательно найдем, не волнуйтесь, граждане!» Перед глазами следователя всплыл воображаемый образ преступника. Маленькая голова, широченные, как у гориллы, плечи и узкие босые ступни. Отпечатавшийся след на вид тридцать девятого размера. Титан – маломерок! И такой монстр скачет голышом по улицам его родного города! Конечно, напрашивалась связь с изнасилованием женщины и убийством на Ольховой. Здесь совсем рядом, три остановки на автобусе. Он глубоко вздохнул, перебирая содержимое бумажников. У второго убитого в пухлом портмоне



находились водительские права. И еще уйма зеленых долларовых бумажек. Редько Климент Евсеевич. Тридцать пять лет. Редкое имя – Климент. Отчество тоже не часто нынче встречается. «Не помогла вам валюта, Климент Евсеевич! Вот проклятие!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.